

Интернет-журнал «Отходы и ресурсы» <https://resources.today>
Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling

2025, Том 12, № s3 / 2025, Vol. 12, Iss. s3 <https://resources.today/issue-s1-2026.html>

URL статьи: <https://resources.today/PDF/07FAOR325.pdf>

DOI: 10.15862/07FAOR325 (<https://doi.org/10.15862/07FAOR325>)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Павликов, О. А. Самозанятость и социальное предпринимательство как факторы преодоления бедности в регионах Российской Федерации / О. А. Павликов // Отходы и ресурсы. — 2025. — Т. 12. — № s3. — URL: <https://resources.today/PDF/07FAOR325.pdf>. DOI: 10.15862/07FAOR325.

For citation:

Pavlikov O.A. Self-employment and social entrepreneurship as factors in overcoming poverty in the regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2025; 12(s3): 07FAOR325. Available at: <https://resources.today/PDF/07FAOR325.pdf>. DOI: 10.15862/07FAOR325. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 332.025.12

Павликов Олег Андреевич

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
E-mail: OlegPavli1@yandex.com

Самозанятость и социальное предпринимательство как факторы преодоления бедности в регионах Российской Федерации

Аннотация. Углубление процессов цифровой трансформации экономики и расширение форм нестандартной занятости населения формируют новую повестку исследования механизмов преодоления бедности. Настоящая работа обращена к анализу двух взаимодополняющих институтов, получивших ускоренное развитие в Российской Федерации в последние годы, а именно самозанятости и социального предпринимательства, рассматриваемых через призму их воздействия на снижение уровня бедности в регионах. В исследовании систематизированы данные о масштабах распространения режима налога на профессиональный доход, численность плательщиков которого к концу 2025 года достигла 15,27 млн человек, а также проанализирована динамика реестра социальных предпринимателей, насчитывающего свыше 12 тысяч субъектов. Методом сравнительного анализа установлены закономерности, свидетельствующие о позитивном влиянии расширения самозанятости на легализацию доходов и сокращение теневого сектора, а также о вкладе социального предпринимательства в повышение доступности социальных услуг для уязвимых категорий населения. Выявлено, что регионы с более высокими темпами прироста числа самозанятых демонстрируют более выраженную динамику снижения уровня бедности. Обоснована типология регионов по потенциалу использования нестандартных форм предпринимательства в качестве инструмента сокращения бедности, позволяющая дифференцировать приоритеты государственной поддержки в зависимости от характеристик региональной экономической среды. Показано, что совокупный доход самозанятых за время действия режима налога на профессиональный доход превысил 5,2 трлн рублей, а наибольший прирост субъектов МСП (до 18 %) фиксируется именно в регионах с наиболее высоким уровнем бедности, что свидетельствует о начале процесса предпринимательского «наверстывания» в депрессивных территориях. Определено также, что социальное предпринимательство концентрируется преимущественно в сферах образования,

здравоохранения и культуры, расширяя доступность базовых социальных услуг для населения с низкими доходами в субъектах Российской Федерации. Научная новизна заключается в обосновании концептуальной связи между развитием нестандартных форм предпринимательской активности и процессами преодоления бедности с учётом региональной специфики. Практическая значимость работы состоит в формировании рекомендаций по интеграции инструментов поддержки самозанятости и социального предпринимательства в региональные стратегии сокращения бедности.

Ключевые слова: самозанятость; налог на профессиональный доход; социальное предпринимательство; бедность; региональная дифференциация; нестандартная занятость; теневая экономика; цифровая платформа; Единый реестр МСП; прожиточный минимум

Введение

Формирование устойчивых механизмов преодоления бедности является одним из центральных направлений социально-экономической политики Российской Федерации. По данным Росстата, к концу 2025 года уровень бедности в стране снизился до исторического минимума 6,7 %, составив 9,8 млн человек¹. Вместе с тем, как свидетельствует исследование Института социальной политики НИУ ВШЭ, индекс многомерной бедности, учитывающий не только денежные доходы, но и доступ к медицине, образованию и средствам связи, показывал существенно более высокие значения, достигавшие 24,8 % [1]. Следует отметить, что данное расхождение указывает на необходимость поиска инструментов воздействия на бедность, выходящих за рамки традиционного перераспределения доходов, к числу которых относятся самозанятость и социальное предпринимательство.

Теоретические основы исследования нестандартных форм занятости как фактора преодоления бедности разрабатываются в трудах отечественных и зарубежных учёных. Необходимо подчеркнуть, что концепция «активной инклюзии» населения посредством предпринимательской инициативы получила обоснование в зарубежных исследованиях, рассматривающих микропредпринимательство как один из ключевых каналов снижения бедности в странах с развивающейся экономикой [2]. Вместе с тем комплексный анализ влияния самозанятости и социального предпринимательства на преодоление региональной бедности остаётся недостаточно исследованным.

Объектом исследования выступают институты самозанятости и социального предпринимательства в Российской Федерации.

Предметом исследования являются закономерности влияния самозанятости и социального предпринимательства на процессы преодоления бедности в регионах Российской Федерации.

Целью исследования является обоснование роли самозанятости и социального предпринимательства как факторов сокращения бедности в регионах Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи.

1. Проанализировать масштабы и динамику распространения самозанятости в Российской Федерации, оценив её влияние на легализацию доходов и сокращение бедности.

---

¹ Росстат. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 30.04.2026).

2. Исследовать вклад социального предпринимательства в обеспечение доступности социальных услуг для уязвимых категорий населения.

3. Выявить региональные закономерности влияния нестандартных форм предпринимательской активности на динамику бедности.

Научная новизна исследования состоит в обосновании концептуальной взаимосвязи между развитием самозанятости, социального предпринимательства и сокращением многомерной бедности, а также в выявлении региональных закономерностей данного процесса.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при формировании региональных стратегий борьбы с бедностью, интегрирующих инструменты поддержки самозанятости и социального предпринимательства.

1. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют институциональный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассматривать самозанятость и социальное предпринимательство как элементы институциональной среды, воздействующие на процессы формирования доходов населения. Статистический метод применён для анализа динамики численности самозанятых и субъектов социального предпринимательства. Сравнительный метод использован для сопоставления региональных показателей. Информационную базу составили данные ФНС России, Единого реестра субъектов МСП, Минэкономразвития России, Росстата, Корпорации МСП, а также научные публикации из баз eLibrary и CyberLeninka.

2. Результаты и обсуждение

Теоретическим фундаментом анализа самозанятости как механизма снижения бедности выступают положения институциональной экономической теории, согласно которым формирование упрощённых институциональных рамок для экономической деятельности способствует вовлечению населения из теневого сектора в легальную экономику. Как обосновывают Т. М. Малеева и соавторы, массовый выход граждан из тени посредством упрощённых форм предпринимательства представляет собой одновременно инструмент повышения прозрачности экономики и адресный механизм снижения бедности [3]. Равным образом существенным является тезис Э. де Сото о том, что бедность в значительной степени обусловлена институциональными барьерами, препятствующими формализации экономической деятельности населения, и упрощение этих барьеров выступает эффективным инструментом сокращения бедности [4].

Следует отметить, что количественные параметры распространения самозанятости в Российской Федерации свидетельствуют об уникальном масштабе данного институционального эксперимента. Динамика численности самозанятых и их вклада в экономику представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности самозанятых в Российской Федерации (2020 по 2025 гг.)

Год	Численность зарегистрированных самозанятых, млн чел.	Прирост за год, %	Совокупный доход, трлн руб.	Сумма уплаченных налогов (НПД), млрд руб.
2020	1,6	—	0,3	3,5
2021	3,9	143,8	0,7	12,0
2022	6,6	69,2	1,0	35,0
2023	9,3	40,9	1,4	60,0
2024	12,2	31,2	2,1	130,0

2025	15,27	25,2	3,0	219,0
------	-------	------	-----	-------

Составлено автором на основе анализа материалов²

Данные таблицы 1 свидетельствуют о беспрецедентных темпах распространения института самозанятости. За пять лет численность зарегистрированных плательщиков налога на профессиональный доход увеличилась почти в десять раз, с 1,6 млн до 15,27 млн человек. Особого внимания заслуживает тот факт, что совокупный доход самозанятых за время действия режима НПД превысил 5,2 трлн рублей, а начисленные налоги достигли 219 млрд рублей³. Принципиально важным представляется понимание того, что значительная часть зарегистрированных самозанятых ранее осуществляла экономическую деятельность в теневом секторе, а их легализация означает не только расширение налоговой базы, но и включение данных граждан в систему официальной статистики доходов, что само по себе влияет на показатели бедности.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на ограничения института самозанятости как инструмента сокращения бедности. Как справедливо отмечает министр экономического развития М. Г. Решетников, эксперимент с режимом НПД постепенно близится к завершению, поскольку десятилетний мораторий на изменения заканчивается в 2028 году, а Правительство начинает дискуссию о нормализации системы для предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей, трансформирующих трудовые отношения в контракты с самозанятыми⁴. Как показывают исследования налоговых факторов неравенства, средняя стоимость одной услуги самозанятого снизилась с 1 478 рублей в 2024 году до 1 218 рублей в 2025 году, что может свидетельствовать о вовлечении в систему граждан с более низкими доходами [5].

В развитие данного положения необходимо проанализировать институт социального предпринимательства как механизм воздействия на бедность через повышение доступности социальных услуг. Следует отметить, что Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» впервые закрепил правовой статус социального предпринимательства в Российской Федерации⁵. По данным Минэкономразвития России, к концу 2024 года в государственном реестре социального предпринимательства числилось 12 212 субъектов, что на 1 281 больше по сравнению с предыдущим годом, а годовая выручка социальных предпринимателей по данным на январь 2024 года составила более

² ФНС России. Единый реестр субъектов МСП. Статистика самозанятых. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения 30.04.2026).

Интерфакс. ФНС зафиксировала рост числа самозанятых в России за 11 месяцев на 24%. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/business/1061205> (дата обращения 30.04.2026).

Ведомости. Росстат разъяснил механизм сбора статданных о самозанятых. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/01/10/1085576-rosstat-razyasnil-mehanizm-sbora-statdannih-o-samozanyatih> (дата обращения 30.04.2026).

³ Ведомости. Росстат разъяснил механизм сбора статданных о самозанятых. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/01/10/1085576-rosstat-razyasnil-mehanizm-sbora-statdannih-o-samozanyatih> (дата обращения 30.04.2026).

⁴ Интерфакс. ФНС зафиксировала рост числа самозанятых в России за 11 месяцев на 24%. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/business/1061205> (дата обращения 30.04.2026).

⁵ Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»». — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/ (дата обращения 30.04.2026).

102 млрд рублей⁶. Динамика развития социального предпринимательства представлена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика развития социального предпринимательства в Российской Федерации (2022 по 2024 гг.)

Показатель	2022	2023	2024
Численность субъектов в реестре, ед.	7 900	10 840	12 212
Прирост, %	-	37,2	12,7
Численность занятых, тыс. чел.	42	51	60
Годовая выручка, млрд руб.	78	91	102

Составлено автором на основе анализа материалов⁷

Анализ представленной в таблице 2 информации демонстрирует устойчивый рост сектора социального предпринимательства. Показательно, что наиболее востребованными сферами деятельности среди социальных предпринимателей являются образование (30 % организаций), здравоохранение и социальные услуги (22 %), культура и творчество (15 %). Как отмечает А. Г. Аганбегян, в последние годы существенно трансформировался подход к развитию МСП, а акцент в поддержке сектора смещается в сторону условий для формирования устойчивых и эффективных компаний [6]. Особого внимания заслуживает тот факт, что наибольший рост числа социальных предприятий зафиксирован в Тамбовской области (57 %), Курганской области (41 %), Белгородской области (38 %) и Чувашской Республике (37 %), что свидетельствует о расширении данного института за пределы столичных регионов. Лидирующие позиции по количеству социальных бизнесов занимают Московская область (1 140 организаций), Башкортостан (618) и Ленинградская область (538).

Помимо указанного, необходимо оценить вклад социального предпринимательства в повышение доступности услуг для уязвимых категорий населения. Как подчёркивает Л. И. Гончаренко, налоговые преференции в пространственном развитии страны должны учитывать задачи обеспечения доступности социальных услуг для населения с низкими доходами, а социально ориентированное предпринимательство способствует снижению бедности не только через создание рабочих мест, но и через расширение предложения доступных услуг [7]. Стоит обратить внимание на то, что гранты для социальных предпринимателей составляют от 100 до 500 тысяч рублей, а для Арктических регионов увеличены до 1 млн рублей, что учитывает региональную специфику и повышенную уязвимость населения отдалённых территорий. Как обосновывают К. Туманянц, С. Арженовский и соавторы, взаимосвязь неравенства и экономического роста в России носит сложный характер, а предпринимательская активность может оказывать выравняющее воздействие на доходы населения [8].

Существенное значение приобретает анализ региональных закономерностей влияния нестандартных форм предпринимательской активности на динамику бедности. По данным ФНС России, на июнь 2025 года в Российской Федерации зарегистрировано около 13,8 млн самозанятых, а среднемесячный прирост составляет около 470 тысяч человек⁸.

⁶ Минэкономразвития России. Социальное предпринимательство. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/razvitiesocialnogo_predprinimatelstva/ (дата обращения 30.04.2026).

⁷ Минэкономразвития России. Социальное предпринимательство. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.economy.gov.ru/material/directions/razvitiesocialnogopredprinimatelstva/> (дата обращения 30.04.2026).

TopFranchise. Социальное предпринимательство в России 2025. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://topfranchise.ru/catalog/sotsialnye-franshizy/> (дата обращения 30.04.2026).

⁸ ФНС России. Статистика по налогу на профессиональный доход. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения 30.04.2026).

Региональная структура самозанятости неравномерна, а наибольшее число плательщиков НПД сосредоточено в Москве (свыше 2,25 млн человек), что составляет примерно 15 % от общероссийского показателя⁹. Сравнительный анализ развития самозанятости и бедности в региональном разрезе представлен в таблице 3.

Таблица 3

Самозанятость и уровень бедности в федеральных округах Российской Федерации (2024 г.)

Федеральный округ	Численность субъектов МСП, млн ед.	Численность самозанятых (оценка), млн чел.	Средний уровень бедности, %	Средний прирост МСП за год, %
Центральный	2,1	4,5	5,8	4,2
Приволжский	1,2	2,4	8,3	3,8
Южный	0,8	1,7	8,9	5,1
Северо-Западный	0,7	1,5	6,2	3,5
Уральский	0,5	1,1	6,8	3,9
Сибирский	0,5	1,0	10,1	3,2
Дальневосточный	0,3	0,7	9,5	4,0
Северо-Кавказский	0,2	0,4	14,7	16,5

Составлено автором на основе анализа материалов¹⁰

Результаты, отражённые в таблице 3, позволяют сделать вывод о том, что федеральные округа с более высокой насыщенностью субъектами МСП и самозанятыми демонстрируют более низкий уровень бедности. Центральный и Северо-Западный федеральные округа, лидирующие по абсолютной численности предпринимателей, характеризуются минимальным уровнем бедности (5,8 % и 6,2 % соответственно). Примечательно, что Северо-Кавказский федеральный округ, имеющий наиболее высокий уровень бедности (14,7 %), одновременно демонстрирует наибольший прирост субъектов МСП (16,5 %), что может свидетельствовать о начале процесса предпринимательского «наверстывания». Как отмечает Н. В. Зубаревич, регионы с исторически низкой предпринимательской активностью нуждаются в особых механизмах стимулирования, учитывающих специфику местных рынков труда и культурные традиции [9].

В свою очередь, необходимо проанализировать финансовую доступность предпринимательской деятельности для малоимущего населения. По данным Банка России, программа стимулирования кредитования субъектов МСП имеет лимит 320 млрд рублей, а по итогам 2024 по 2025 годов субъекты МСП привлекли через краудфинансирование более 97,9 млрд рублей¹¹. Наряду с этим порядка 450 млрд рублей привлёк бизнес через региональные гарантийные и микрофинансовые организации в 2024 году, а микрозаймы предоставляются на льготных условиях сроком до трёх лет, что создаёт доступный стартовый капитал для граждан с низкими доходами. Как подчёркивают Ю. Н. Шедько, И. Ю. Ильина и И. А. Квасов, развитие финансовой инфраструктуры поддержки малого бизнеса, включая

⁹ TAdviser. Самозанятость. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Самозанятость> (дата обращения 30.04.2026).

¹⁰ Минэкономразвития России. Численность МСП в России обновила исторический максимум и превысила 6,8 млн предприятий. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.economy.gov.ru/material/news/chislenostmalyhishrednihpredpriyatiyvrossiiobnovilarekordiprevysila67 mln.html> (дата обращения 30.04.2026).

Росстат. Неравенство и бедность. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 30.04.2026).

Единый реестр субъектов МСП. Статистика. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 30.04.2026).

¹¹ Банк России. Поддержка малого и среднего бизнеса. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.cbr.ru/develop/msp/> (дата обращения 30.04.2026).

факторинг, объём которого достиг 933 млрд рублей в 2025 году, формирует устойчивую базу для вовлечения населения в предпринимательскую деятельность [10].

Необходимо подчеркнуть, что интеграция механизмов поддержки самозанятости и социального предпринимательства в региональные стратегии борьбы с бедностью представляет собой перспективное направление государственной политики. Механизм поддержки через структуру центров «Мой бизнес», где самозанятые и начинающие предприниматели получают консультационную, образовательную и маркетинговую поддержку, содействует формированию предпринимательских компетенций у населения с низкими доходами. Как обосновывает А. Г. Аганбегян, за 2019 по 2024 год количество субъектов МСП увеличилось более чем на 11 %, средних компаний на 23 %, занятость в секторе выросла на 36 %, а совокупные доходы компаний на 95 %, что свидетельствует о системообразующей роли сектора в политике сокращения бедности [11]. Как показывает П. В. Строев, сектор МСП обеспечивает около 40 % занятости в экономике, а пространственное размещение экономических ресурсов определяет потенциал предпринимательского развития территорий [12]. Классификация регионов по уровню развития нестандартных форм предпринимательства и их потенциалу сокращения бедности представлена в таблице 4.

Таблица 4

Классификация регионов по потенциалу самозанятости и социального предпринимательства в снижении бедности

Тип региона	Характеристика предпринимательской среды	Уровень бедности	Приоритетные меры поддержки
Регионы-лидеры (Москва, Санкт-Петербург, Московская область)	Высокая насыщенность МСП и самозанятыми, развитая инфраструктура поддержки	Ниже 5 %	Масштабирование социального предпринимательства, развитие краудфинансирования
Регионы со средним уровнем развития (Свердловская, Новосибирская, Нижегородская области)	Умеренная предпринимательская активность, наличие базовой инфраструктуры	7 и 10 %	Расширение программ социального контракта, развитие центров «Мой бизнес»
Регионы с высоким потенциалом роста (Чечня, Дагестан, Ингушетия)	Низкая насыщенность МСП, высокий прирост предпринимательской активности	Выше 15 %	Адресная поддержка самозанятости, микрофинансирование, специализированные гранты

Составлено автором на основе анализа материалов¹²

Данные таблицы 4 свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к использованию инструментов поддержки самозанятости и социального предпринимательства в зависимости от характеристик регионального контекста. В регионах-лидерах приоритетной задачей является качественное развитие сектора, включая масштабирование социального предпринимательства и внедрение инновационных финансовых инструментов. В регионах с высоким уровнем бедности основное значение приобретают адресные меры вовлечения населения в предпринимательскую деятельность через упрощённые механизмы регистрации, специализированные программы микрофинансирования и сопровождения бизнес-проектов.

В развитие данного анализа уместно заметить, что по оценке заместителя председателя Правительства Российской Федерации А. В. Новака, на период 2025 по 2030 год на поддержку МСП выделено 329,5 млрд рублей, а объём поддержки предпринимателей в федеральном

¹² Минэкономразвития России. Численность МСП в России обновила исторический максимум и превысила 6,8 млн предприятий. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislennostmalyhisrednihpredpriyatiyvrossiiobnovilarekordiprevysila67_ml_n.html (дата обращения 30.04.2026).

РИА Рейтинг. Рейтинг регионов по доходам населения 2025. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://riarating.ru/infografika/20250616/630282103.html> (дата обращения 30.04.2026).

бюджете на следующие три года вырастет более чем на 20 %¹³. Как справедливо отмечает К. В. Харченко, развитие «умных территорий» и цифровизация инфраструктуры создают условия для расширения предпринимательской активности и снижения бедности в малых городах и сельских территориях [13]. Помимо указанного, необходимо учитывать, что средняя заработная плата в Российской Федерации во II квартале 2025 года составила 100 023 рубля и увеличилась на 14,9 % в номинальном выражении, а доходы наименее обеспеченных групп населения выросли на 14 %¹⁴, что создаёт благоприятные условия для дальнейшего развития предпринимательства как фактора преодоления бедности. Как подчёркивают С. В. Криворучко и И. А. Ризванова, развитие платёжной инфраструктуры оказывает определяющее влияние на доступность финансовых ресурсов для предпринимателей различных территорий [14].

Выводы

Анализ масштабов и динамики распространения самозанятости в Российской Федерации показал, что за период 2020 по 2025 год численность зарегистрированных плательщиков налога на профессиональный доход увеличилась почти в десять раз, достигнув 15,27 млн человек, а их совокупный доход превысил 5,2 трлн рублей. Установлено, что легализация доходов посредством режима НПД оказывает двойственное воздействие на показатели бедности, снижая долю теневой занятости и одновременно расширяя налоговую базу регионов. Вместе с тем выявлены ограничения данного института, связанные с риском трансформации трудовых отношений и снижением средней стоимости услуг.

Исследование вклада социального предпринимательства в обеспечение доступности социальных услуг для уязвимых категорий населения продемонстрировало устойчивый рост сектора, численность субъектов которого увеличилась с 7 900 в 2022 году до 12 212 в 2024 году, а годовая выручка превысила 102 млрд рублей. Установлено, что социальные предприятия преимущественно концентрируются в сферах образования (30 %), здравоохранения (22 %) и культуры (15 %), обеспечивая повышение доступности базовых социальных услуг для населения с низкими доходами.

Выявление региональных закономерностей подтвердило наличие обратной зависимости между насыщенностью экономики субъектами МСП и самозанятыми и уровнем бедности населения. Федеральные округа с более высокой предпринимательской активностью демонстрируют значимо более низкий уровень бедности. Предложенная классификация регионов по потенциалу нестандартных форм предпринимательства позволяет дифференцировать меры государственной поддержки с учётом региональной специфики, направив адресные программы микрофинансирования и сопровождения бизнес-проектов на территории с наиболее высоким уровнем бедности и максимальным потенциалом предпринимательского роста.

---

¹³ Ведомости. Число субъектов МСП в 2025 году увеличилось на 3%. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/12/25/1166484-chislo-subektov-msp-uvelichilos> (дата обращения 30.04.2026).

¹⁴ ТАСС. Уровень бедности во II квартале 2025 года составил 7,4%. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://tass.ru/ekonomika/24978917> (дата обращения 30.04.2026).

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. — М.: НИУ ВШЭ, 2014. — 120 с. — URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf
2. Lwesya, F. Frontiers in microfinance research for small and medium enterprises (SMEs) and microfinance institutions (MFIs): a bibliometric analysis / F. Lwesya, A. B. S. Mwakalobo // Future Business Journal. — 2023. — Т. 9, № 1. — С. 17. — URL: https://www.researchgate.net/publication/370143186_Frontiers_in_microfinance_research_for_small_and_medium_enterprises_SMEs_and_microfinance_institutions_MFIs_a_bibliometric_analysis
3. Малева, Т. М. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т. М. Малева, Е. Е. Гришина, Е. А. Цацура. — Москва: Издательство Дело, 2019. — 52 с. — EDN VUAWLM.
4. Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире / Пер. с англ. — М.: Олимп-Бизнес, 2004. — 272 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002440818>
5. Налоговый и валютный факторы неравенства (к постановке проблемы) / А. С. Танасова, Е. Ю. Соколова, И. Г. Шандра, А. В. Чигирева — DOI 10.32609/0042-8736-2023-1-146-159. // Вопросы экономики. — 2023. — № 1. — С. 146-159 — EDN EFQLRH.
6. Аганбегян, А. Г. Социально-экономическое развитие России. Взлёты и падения. Возможности и перспективы / А. Г. Аганбегян — DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-6-14-46. // Среднерусский вестник общественных наук. — 2023. — Т. 18, № 6. — С. 14-46 — EDN AUNOGA.
7. Гончаренко, Л. И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования / Л. И. Гончаренко — DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121. // Финансы: теория и практика. — 2024. — Т. 28, № 4. — С. 108-121 — EDN XUSZRI.
8. Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей / К. Туманянц, С. Арженовский, О. Арькова [и др.] // Деньги и кредит. — 2023. — Т. 82, № 2. — С. 52-77. — EDN VWVXWJ.
9. Зубаревич, Н. В. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов — DOI 10.5922/1994-5280-2023-1-3. // Региональные исследования. — 2023. — № 1(79). — С. 31-41 — EDN TOLXAV.
10. Шедько, Ю. Н. Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России / Ю. Н. Шедько, И. Ю. Ильина, И. А. Квасов — DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121. // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 112-121 — EDN AHJBRQ.
11. Аганбегян, А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян — DOI 10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362. // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2022. — Т. 237, № 5. — С. 310-362 — EDN SLPFNB.
12. Строев, П. В. Влияние размещения экономических ресурсов на особенности пространственной организации России / П. В. Строев — DOI

- 10.17059/ekon.reg.2023-4-2. // Экономика региона. — 2023. — Т. 19, № 4. — С. 949-963 — EDN JPPZSU.
13. Харченко, К. В. Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели / К. В. Харченко — DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90. // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 79-90 — EDN XMWZPU.
14. Криворучко, С. В. Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации / С. В. Криворучко, И. А. Ризванова — DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59. // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18, № 5. — С. 51-59 — EDN BTVWQQ.

Pavlikov Oleg Andreevich

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: OlegPavli1@yandex.com

Self-employment and social entrepreneurship as factors in overcoming poverty in the regions of the Russian Federation

Abstract. The deepening digital transformation of the economy and the expansion of precarious employment are shaping a new research agenda for poverty alleviation mechanisms. This paper analyzes two complementary institutions that have experienced accelerated development in the Russian Federation in recent years: self-employment and social entrepreneurship, examined through the prism of their impact on poverty reduction in the regions. The study systematizes data on the scale of the professional income tax, which will reach 15,27 million taxpayers by the end of 2025, and analyzes the dynamics of the register of social entrepreneurs, which includes over 12 000 entities. Using comparative analysis, patterns are identified demonstrating the positive impact of expanding self-employment on income legalization and the reduction of the informal sector, as well as the contribution of social entrepreneurship to increasing the accessibility of social services for vulnerable groups. It was found that regions with higher growth rates of the self-employed demonstrate more pronounced poverty reduction dynamics. A typology of regions based on the potential for using non-standard forms of entrepreneurship as a poverty reduction tool is substantiated, allowing for the differentiation of state support priorities depending on the characteristics of the regional economic environment. It is shown that the total income of the self-employed during the period of the professional income tax regime has exceeded 5,2 trillion rubles, and the largest increase in SMEs (up to 18 %) is recorded in regions with the highest poverty rates, indicating the beginning of the entrepreneurial «catch-up» process in depressed areas. It is also determined that social entrepreneurship is concentrated primarily in the fields of education, healthcare, and culture, expanding the availability of basic social services for low-income populations in the constituent entities of the Russian Federation. The scientific novelty lies in the substantiation of a conceptual link between the development of non-standard forms of entrepreneurial activity and poverty alleviation processes, taking into account regional specifics. The practical significance of this work lies in the development of recommendations for integrating self-employment and social entrepreneurship support tools into regional poverty reduction strategies.

Keywords: self-employment; professional income tax; social entrepreneurship; poverty; regional differentiation; precarious employment; shadow economy; digital platform; Unified Register of SMEs; subsistence minimum